

Natalia Belchenko

* * *

Не треба ховатись, тікати
Обійстями до передмість,
Бо в міста вуста немовляти
І правду воно розповість.

Ти зараз – Вергілій нестримний
Бажань його й пересторог,
Як треба – підказуєш рими
І дивишся пильно за двох.

Коли зазирнеш в підворіття,
Шукаючи, що загубив,
Дерева заламують віття,
Сигналить вода з риштаків.

Від здогадок лячно і млоїть

Торкатись зачинених брам:

Вони – заборонена сповідь,

І ти заборонений сам.

* * *

There's no need to hide, to run
in roundabout ways to the suburbs,
as the cities have the lips of babes
that tell the truth.

Now you're Vergil, unrestrained
by desires and warnings.
When necessary, you proffer rhymes
and watch twice as carefully.

When you look into the yard,
searching for what you lost,
trees break their branches
and water drips from drainpipes.

Guessing is tiring and it's depressing
to touch closed gates:
They're an illicit confession,
and you're illicit as well.

* * *

Ірпінь – це живиця. Як сонцем нагріти –

Тебе від повітря вже не відліпить.

Хоч диво доросле, та в дива є діти,

І ти їх викохуєш несамохить.

Від птаха до білки – затишшя і зміна

Небесної варті; живцем заберуть,

Щоб свідчив: як стати в траві на коліна,

Цілунок і благовіст можна почути.

* * *

The Irpin River is tree gum. With the heat of the sun
you'll stay stuck to the air.

Though mature, the miracle has offspring,
whom you nurture unwillingly.

Birds and squirrels: quiet reigns
during the changing of the heavenly guard;
they'll take you alive to confess how to kneel in the grass
and hear the kisses and good news.

* * *

Я в неї зазирнути б не посміла,
Вона ж колись у мене – залюбки.
Насунеться повітря чорним пилом,
На гойдалці розтануть ланцюги –
І можна вниз навпомацки летіти,
А тіло залишити всім садкам
Старого Києва. Бузкові квіти,
І п'ятою пелюсткою – ти сам.

* * *

I wouldn't dare look into her,
while she'd look into me quite readily.
The air draws near as dark dust,
the chains of the swing are melting —
you touch your downward flight
and give your body to the gardens
of Old Kyiv. The lilacs blossom,
and the fifth petal is you.

Translated by **Alexander Motyl**, with **Vasyl Makhno**.

* * *

У тех, кто Брейгеля смотрел не на бумаге, –
В зрачках мельчайшие фигурки до сих пор,
Как будто в холст они набились и оттуда
Чуть что – спускаются по руслу новых глаз,
А в кровотоке головастиками виснут.
Когда к такому человеку прикоснется
Магнит зимы, в нем тотчас к полюсам
Летят охотники, и дети на катке,
и несколько сорок.

Тут маяться заметно начинает
Любитель живописи. Он, не дожидаясь
Шенгенской визы, малою пичужкой,
Что непременно есть на полотне,
Становится, и движется к просвету
Меж кистью и пейзажем за окном.

* * *

Seeing Brueghel with their very own eyes,
Causes pupils to overflow with tiny figures,
As if packed into the canvas, from which they emerge
At the drop of a hat, sliding down and changing course
Through new eyes, to hang tadpole like in the blood flow.
When such a person is touched
By the magnet of winter, right away
His poles draw hunters, children
Skating, and a few magpies.
The art lover begins to visibly languish,
Impatient with visas, he becomes
An inevitable small bird
On canvas thus moving toward
A shaft of light
Between the paintbrush and
The landscape outside the window.

ЭЛЬБРУС

После теплой красной слизистой под руками
вогнать себя в ледяную белизну
неразложившегося спектра,
первооснову первогоры,
отменяющую дыхание,
снеготочащую
и неботочивую.

Просто открывается время –
и человек исторгает гору,
чтобы пойти на нее
за скрижалями.

Взамен бесчисленных погружений
в страдающую материю
и высвобождения ее,
неудержимо подняться
на уравновешивающую чудо
безжизненную вершину
надо – и точка. Та самая,
что на карте помечена.

MT. ELBRUS

From warm red mucous membranes
You push yourself into the icy whiteness
Of the un-decomposed specter,
The primal essence of the primal mountain,
Taking your breath away,
Oozing snow and sky.
Time simply opens up,
Causing one to extrude the mountain,
In order to ascend it,
In search of the sacred.
In exchange for endless immersions
Into suffering matter which
Is thereby liberated by it,
Rising uncontrollably

Onto the balancing miracle
The lifeless pinnacle, a must,
And then a dot. The same
That places it
On the map.

* * *

Когда тебе говорят,
что ты – то,
О чем говорить поздно,
И запах сна
оказывается запахом пробуждения,
Любая пристань
остановит тебя одним жестом.
Закрывается навигация возраста.
Куда деваться тебе,
Который на вырост?

* * *

When someone says to you,
You are that about which
It is too late to speak,
And the smell of sleep
Becomes the smell of waking,
Then any haven
Will stop you with a mere gesture.
The navigation of age closes,
Where are you to go,

You who are still growing into?

* * *

Говори,

и сердце отложит свое рукоделье.

Дались тебе листья у самого рта
губам твоим – на погибель пригубить:
осенняя выпь, воплоти этот вопль

короеда синеющей тверди.

Сладко яблоку падать,
когда по вокзалу гуляет сквозняк отправлений
и заезжому солнцу
смешно на заезжих дверях.

* * *

Speak and the heart
Will put away its needlework.
Coping with leaves round your mouth
Your lips sip warnings of ruin:
Autumnal bittern, embody that bark beetle cry
Deepening the blue vaults of heaven.
The apple falls softly
While through the train station rush
The drafts of the outbound.
And the inbound sun
Laughs in the visiting doorway.

* * *

Из его леса кто-то украл все листья.

Он гнался за ними всю траву.

Его друзья швырялись городами

И изъяснялись постскриптумами.

Его затылок прилип к ночи,

А стихи к губам.

Старший из произнесенных

Уже не был ему ровней –

Отстранившись не по росту,

А по праву древности,

Стих становился все древесней в отдалении,

И лес в нем покрывался коростой соловьев.

Позволивший ни разу не усомнился

В своем детстве и его отцовстве,

Выпивавшем, как заглавные буквы акrostиха.

Взрослый ушел,

Оставив маленького

В обнимку с истерикой

На койке публичной слышимости.

* * *

Someone stole all the leaves
From his forest. He rushed after them
With all his green. His friends tossed cities
And made utterances in p.s.'s.
The back of his head glued
Itself to night,
His lips to poems. The oldest of which,
When pronounced, was no longer his equal,
Having distanced itself not through growth,
But by virtue of antiquity,
The poem became more wooden as it withdrew,
And the forest filled with scabs of nightingales.
Leaving him with no doubt
As to his own childhood or paternity,
Sticking out like the capital letters
Of an acrostic.
The adult left leaving
Behind the child
In an embrace with hysterics
On the bed of public earshot.

* * *

Я волосы остригла,
И с тех пор
Всё стало в окружающем
Короче:
Терпеньё, сон;
Должно быть, жизнь саму
Теперь уже причёсывать не надо.
И в зеркале меня встречает мальчик –

Из Ганимедов, – только унести

Его никто не хочет.

Даже рифма

Меня зачем-то избегает. Видно,

Ей по душе русалочии пряди,

А не на шлем похожая Schwarzkopf.

* * *

I cut my hair off

And ever since

Everything around me

Has become shorter:

My patience, my sleep.

It must be that life itself

No longer needs to be combed.

In the window a boy faces me –

A Ganymede, though no one

Wants to take him away.

Even rhyme seems to

Avoid me. Must be it favors

The mermaid's locks

Rather than this Schwarzkopf helmet.

ОСЕНЬ

Время, когда горизонт
Прививает себе вертикаль,
Лист каштана, как ласт,
Появляется в проруби города
И туман пятикнижием
Поднимает главу
Над пометками сна
На полях...

AUTUMN

Time is when the horizon
Cultivates the vertical,
A chestnut leaf, like a fin,
Emerges in the city's
Ice hole and the five-
Tomed fog
Lifts a chapter
Over sleep's marks
In the margins...

* * *

Идешь, и пресекается душа, –
Со всех сторон задетая холмами,
Ярами утоленная, – и снова
Выныривает и опять уходит
Под воду бегства, и опять – с лихвой;
В живом доме шагаешь по стропилам,
Отплёвываясь памятью от слёз.

* * *

You walk and your soul intersects,
Brushed against on all sides by knolls,
Quenched by stiff banks, then again
It breaks the surface only to recede
Under the water of flight, and then some again;
You climb the rafters of the living house
Spitting memory away from tears.

Translated by **Tatiana Retivov**

PR

DIOGEN pro kultura

<http://www.diogenpro.com>